

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	7
1. Фэллон	11
2. Фэллон	19
3. Фэллон	40
4. Фэллон	56
5. Фэллон	67
6. Джулиан	80
7. Фэллон	90
8. Фэллон	99
9. Фэллон	107
10. Фэллон	117
11. Фэллон	126
12. Фэллон	138
13. Фэллон	153
14. Джулиан	159
15. Фэллон	173
16. Фэллон	189
17. Фэллон	203
18. Фэллон	211
19. Фэллон	221
20. Джулиан	234
21. Фэллон	242
22. Фэллон	251
23. Джулиан	267

24. Фэллон	279
25. Джулиан	287
25. Джулиан	291
26. Фэллон	300
27. Джулиан	310
28. Фэллон	315
29. Джулиан	332
30. Фэллон	340
31. Джулиан	352
32. Фэллон	360
33. Джулиан	368
34. Джулиан	377
35. Фэллон	393
36. Джулиан	404
37. Джулиан	414
38. Фэллон	424
39. Фэллон	435
40. Джулиан	449
41. Фэллон	462
42. Джулиан	477
43. Фэллон	484
44. Фэллон	494
45. Джулиан	503
46. Джулиан	516
47. Джулиан	528
48. Фэллон	540
49. Джулиан	552
50. Джулиан	561

Моей дочери Грейс.

Не устаю повторять: в другой жизни
ты была бы моей матерью.
Моя дикая девочка, мне стыдно признать,
Что ты заставила меня забыть,
Кто из нас родитель.

Спасибо за твою уникальность,
За незыблемую душу, за жажду знаний
и жизнь без страха.
Ты — бьющий наповал хаос, крошка,
Не думаю, что мир к тебе готов.
Но ты слишком торопишься.
Притормози, посмотри вокруг
На самые крошечные, нелогичные моменты,
Которые сейчас не кажутся важными,
Но однажды ими станут.

Спасибо за то, что помогла мне спланировать
эту историю.
Спасибо, что подарила Фэллон жизнь.
Делиться с тобой своими снами —
Моя любимая часть «Грешников».

Не забывай:
Ты не просто девочка.
Оставайся скромной. И люби себя прежде всего.

С любовью, мама

ПРОЛОГ

В темноте таится многое: чудовища, призраки и прочие сверхъестественные существа. Они привязаны к земле бездонной мощью и обречены блуждать по ней безо всякой цели. В их черных душах растет и ширится дыра, происхождение которой они понять не в силах. Боль, гнев, скорбь, печаль... за годы эмоции сплетаются в тугой комок, и духи забывают, почему они здесь остались.

Самая жестокая среди этих эмоций — любовь. Даже после смерти она может превратить всех нас в самых ужасных монстров.

Я родилась, одной ногой стоя в этом мире, а другой — в ином.

— Ты — Гримальди, — повторяла Мариетта.

Я — Гримальди. Но сколько бы раз я ни повторяла это слово про себя, молодой человек в углу моей комнаты не исчезал. Он отказывался уходить: сидел в кресле, прижав колени к груди. В темные месяцы я всегда оставляла окно приоткрытым, чтобы впустить в комнату ветерок. Но трясло его не от холода. Духи чувствуют лишь то, как пожирают их эмоции. Но все же этого юношу трясло. Что-то с ним было не так. Что-то отличало его от всех остальных.

— Не плачь, — шептала я, склонившись над бумагами.

Луна прочертила полосу света между нами. Я научилась не бояться приходящих ко мне и никому о них не

рассказывала. Но этот был особенно странным: он то появлялся, то исчезал, совсем как экран телевизора с плохим приемом сигнала. Губы его были синими, а волосы — белыми, как шерсть арктического волка. И его глаза... о, что за демонические глаза. Холодные, словно беззвездная галактика. Ужасающие.

Я скинула с ног толстое одеяло и коснулась стопами холодного деревянного пола.

— Как тебя зовут?

Он свел к переносице покрытые морозом брови и посмотрел на меня из-под пушистых мокрых ресниц. Он все еще дрожал. Большинство духов удивлялось тому, что я не только видела их, но и не боялась, но этот... Этого мой вопрос, похоже, поставил в тупик. Он не помнил собственного имени — значит, стал призраком совсем недавно.

Но он казался таким реальным... чуть ли не расплывающимся между измерениями.

На других совсем не походил.

Я подошла поближе — доски под ногами скрипнули — и застыла на полпути к нему, потому что со стороны деревянной лестницы раздались шаги Мариетты.

— Т-т-ты должна мне помочь, — отчаянно попросил он. — Н-н-найди меня.

Дверь в спальню со скрипом распахнулась, я поспешила лечь в постель и укрылась одеялом. Шаги звучали уже совсем близко, и я зажмурилась, притворяясь спящей. Волосы закрывали лицо. Я подтянула к себе руки и ноги, поджала пальцы и так, чтобы полностью спрятаться под плотным рукодельным одеялом.

— Я знаю, что ты не спишь, дитя луны, — протянула Мариетта своим приятным голосом.

Матрас просел — она присела на край постели, а потом убрала одеяло. Я повернулась.

— Нельзя не спать всю ночь... не то проспичь весь день, — добавила она, легонько коснувшись моего носа.

Я убрала волосы с лица и украдкой посмотрела на стул, где сидел призрак.

Но его там больше не было.

И я снова посмотрела на свою няню.

— Мне не спится. Расскажешь сказку?

— А! Сказку она захотела! — Фиолетовые губы Мариетты растянулись в полуулыбке.

Она укрыла меня одеялом, и браслеты на ее руке звякнули.

— Я расскажу тебе сказку, и ты заснешь, идет?

Мариетта приподняла бровь — эдакий изогнутый месяц.

Я с энтузиазмом закивала.

— Да, обещаю!

— О, ну, не знаю, — с сомнением протянула она. — Не думаю, что ты готова услышать эту сказку.

— Готова, Мариетта! Конечно, готова!

— Ох, милая, ну ладно. Просто, видишь ли... придется начать с самого начала. — Мариетта сделала глубокий вдох и пододвинулась поближе.

— Однажды, давным-давно, далеко-далеко отсюда нашли таинственную землю. Там построили город, но увидеть его издалека было нельзя. Многие знали, как он называется, многие хотели отыскать его... но зайти в него могли лишь те, перед кем он сам откроется. Между мирами не было барьеров. Случались странности. И стоял этот город — полный волшебства и коварства, где людей вперед вели лишь предрассудки и звезды... и где пути были непредсказуемыми, как атлантическое течение.

Видишь ли, столетия назад два разных ковена построили тот город: звезды сошлись, когда пересеклись и их пути. С моря приплыла лодка, пассажиры которой спасались от жестокости собственной страны. И в то же

время изгнанники из Нового Мира пришли с юга, бежали от тягостей жизни сквозь плотный лес, где по обветренным лицам их бил снег.

И ни один народ не думал уходить, не хотел уступать: оба мечтали забрать эту землю. Они наколдовали невидимый щит, чтобы он защищал людей, и потому чужаки город не видели. Но ковен не знал, что в этих лесах жило что-то еще.

Зашептали ветви деревьев, запели темные песни вороны, зашелестели падающие листья под тяжелыми сапогами... Тайны леса открывались перед ними, плели свои слова, словно черная вдова — паутину. И это только лес, а ведь еще море, о, дитя, море! Оно проревело пророчество, и волны обрушились на неприступные скалы, и в вечных водах заблестели отражения всех лунных фаз.

Однажды город позовет тебя, о, лунное дитя. Но услышь мои слова: выбор всегда останется за тобой. Ты можешь не возвращаться. Но если вернешься — уйти не сможешь. Пока город не отпустит тебя сам...

— Вернусь? Куда? — спросила я, сжав пальцами одеяло и жадно вслушиваясь в слова.

— В Плачущую Лощину.

1

Фэллон

Придержав дверь холодильника бедром — выбор кофе тут был большой, — я поймала себя на том, что загляделась на собственное отражение. Белые волосы, бледно-голубые глаза... я выглядела полупрозрачной. В стекле дверки будто бы застрял мой двойник, и чем дольше я на него смотрела, тем больше не понимала, кого же все-таки вижу.

— Простите, — подал голос мужчина, открыв стеклянную дверку и вырвав меня из ступора.

На нем красовались красная рубашка в клетку и грязные джинсы: на руках и под ногтями виднелось что-то темное. Из холодильника он достал банку холодного кофе объемом ноль три и повернулся ко мне.

— Ну чо, выбрала уже?

Какой сложный вопрос. Похоже, я в самом деле выбрала, потому что иначе не стояла бы после полуночи в магазинчике на заправке, где на вывеске в слове SHELL не хватало буквы S. Получалось, конечно же, HELL¹. Последняя остановка перед тем, как я попаду в городок, о котором прежде слышала лишь сказки в бессонные звездные ночи. Я никогда не думала, что вернусь сюда.

Грязный дальнобойщик чего-то ждал. Может, ответа? Я все еще смотрела туда, где пару мгновений назад жило мое отражение, и теребила кольцо на безымянном

¹ Hell (англ.) — ад.

пальце — то, которое, согласно рекламе, меняет цвет от настроения. Мужчина отпустил дверку и ушел, бормоча под нос:

— Ну лады тогда. Чо за чудачка.

Чудачка.

Я вновь распахнула дверцу, и поднимающийся изнутри холодильника мороз рассыпал по коже мурашки, приподнял белые волоски. Мне захотелось забраться внутрь и заснуть в этих ледяных течениях... Вместо этого я достала оттуда последнюю банку орехового кофе и направилась к кассе, опустив голову и не обращая ни на кого и ни на что внимания.

Ад после полуночи — словно маяк для педофилов и серийных убийц. А я — идеальная жертва.

Одиночка. Молодая. Странная. Изысканное блюдо. Чудачка.

Девушка, которую никто не будет искать. По которой не будут скучать.

По ту сторону кассы, за стойкой с лотерейными билетами, оказался парень: он приподнял локти, выключил телефон и положил его в карман. На глаза его упала черная прядка, и он откинул ее в сторону.

— Чот еще? — Он деланно вздохнул и протащил банку по стойке.

— Ага... — с неохотой протянула я и, достав айфон, открыла навигатор. — Я слегка потерялась. Не знаете, как добраться до Плачущей Лощины?

Грязный дальнобойщик, с которым мы столкнулись у холодильников, прохромал позади меня. Кассир уставился на кассу пустым взглядом. А потом посмотрел на дальнобойщика.

— Можно попасть отсюдова сюды, но отсюды дотудова — нет.

Мэйновский акцент у него был жуткий. Он слегка усмехнулся и покачал головой.

Дальнобойщик пробурчал что-то о том, чтобы мы поторапливались. Я опустила телефон и переставила ноги, обутые в черно-белые оксфорды. Уже за полночь. Я устала и потерялась. На загадки у меня времени не было.

— И что же это значит?

Кассир растянул губы в улыбке и стукнул по банке с мелочью.

— Три пятнадцать.

— Ну спасибо, блин, — пробурчала я, с силой хлопнув о стойку пятидолларовой бумажкой и забрав напиток.

Я вышла из магазинчика — прозвенел колокольчик. В лицо ударил легкий океанский ветерок. Я направилась к машине.

В дороге я провела около тридцати пяти часов: останавливалась, только чтобы заправиться и купить поесть в ближайшем автофастфуде. С каждым километром веки тяжелели все сильнее, и мне приходилось постоянно мотать головой, чтобы не заснуть. Я всегда была упрямой. Всегда тащила все пакеты с едой разом из машины в свой дом в Техасе. Увешивала руки, даже в зубы пакеты брала — все, лишь бы сразу унести все пакеты.

Я проглотила кофе и вернулась на трассу: машин тут, вдоль побережья штата Мэн, было мало. Я вспомнила, о чем писал дедушка в письме. О том, как добраться в маленький городок под названием Плачущая Лощина, который GPS отказывался находить. И чем дальше я ехала, тем хуже работала сеть — до самого выезда с Арчер-авеню.

С узкой пустынной дороги знак был едва заметен. Я медленно подъезжала к выцветшему знаку — фонарик заменяли тусклые фары моего серебристого «Мини Купера». Острые металлические края таблички с названием проржавели от дождя. Под ним значилось: «НАСЕЛЕНИЕ 665».

Я пересекла границу, и последняя цифра будто бы смазалась и превратилась в шестерку.

Я протерла глаза. Слишком устала, вот и видится всякое... так ведь?

И я продолжила путь по пустынной темной дороге, над которой нависали деревья. Сначала подумала: дорожные работы, а потом присмотрелась — это голодающие падальщики дрались за чей-то трупик. Столько крови. И черные крылья. Голод сделал птиц безжалостными: они даже с дороги не убрались. Им будто бы было абсолютно наплевать на «Мини Купер», который грозился их переехать. Я медленно ехала вперед: за следующие километров пять деревья по обе стороны от дороги поредели, и теперь слева от меня темнели могильные плиты, а справа — детская площадка.

Высоко в небе висела прозрачная луна, и свет ее падал на ржавый железный знак, аркой поднимающийся над единственным входом... и единственным выходом.

Плачущая Лощина.

«Мини Купер» запыхался после утомительного путешествия по бесчисленным государственным трассам: он чихнул, и я притормозила у знака «СТОП», прямо перед кольцевой развязкой и видом на крошечный город, о котором столько всего слышала. Выглядел он так, словно ему совсем не место в прекрасном штате Мэн. Словно дьявол накарябал черным пером и темными чернилами на рваном холсте Салемов Удел¹, а потом, даже не глядя, выбросил свое творение в мир, чтобы узнать, что получится, и как люди к такому привыкли. И люди, конечно, привыкли.

Я не заметила, как заглох двигатель, — настолько меня заворожил вид. На дорогах мерцали старинные фонарные столбы. Под полуночным небом, там, где акварельно-серые облака смазывали галактику звезд, накрывали их,

¹ Одноименный роман Стивена Кинга

будто вуалью, жители города прохаживались по сердцу Плачущей Лощины так, словно это было абсолютно нормально — бродить по мрачным улицам посреди ночи. Почти в три часа утра. В начале августа.

Кровь стыла в жилах. Прошло двадцать четыре долгих года, но я наконец вернулась туда, где родилась. Туда, где моя мать сделала последний вздох.

Я повернула ключ зажигания, надеясь услышать сладчайший звук работающего мотора. Двигатель зачихал и наконец ожил. Я ударила по рулю, а потом обогнула беседку.

— Вот так, милый! Мы уже почти на месте! Всего пару километров осталось.

Дедуля жил на побережье, в историческом сине-зеленоватом доме, двор которого выходил на морские скалы и открытое море. Прежде я видела этот дом лишь на старых фотографиях, которые лежали на чердаке дома в Техасе. Мариетта, моя няня, однажды нашла меня там на полу. И я спросила ее, вернемся ли мы в дом с фотографий — в дом из ее историй.

— Ты не сможешь вернуться, пока в тебе не будут нуждаться, лунный лучик, — ответила она, опустившись на колени и забрав у меня фотографии.

Мариетта была безумной старушкой с бархатистой кожей, черными маленькими глазками и сильным кенийским акцентом. Вечера она проводила на веранде, качаясь в кресле и попивая из кружки «Московский мул»¹. Глаза ее темнели от ужасных видений.

Большинство людей нас боялось: ходили слухи, что подходивших ко мне мальчишек проклинали. В старшей школе детишки старались меня не злить, потому что боялись, что ведьма-няня начнет колоть булавками куклы, если мне кто слово не то скажет. Я эти слухи не пресекала — не после того, что случилось. К тому же какая-то

¹ Московский мул — коктейль из водки и имбирного пива.

часть меня верила в то, что это и не слухи вовсе, а чистейшая правда.

Как дедуля и написал, в почтовом ящике меня ждал ключ. Я припарковалась на улице и оставила вещи в багажнике до утра. Жуткую тишину разбавлял шум удаляющихся о скалы волн. Я подошла к крыльцу и замерла, почувствовав на себе чужой взгляд. Такой, что волосы на коже зашевелились.

И неуверенно оглянулась.

Какая-то высокая и худая женщина стояла на крыльце соседнего дома — на ней не было ничего, кроме потрепанной белой ночнушки. Седые волосы ниспадали с плеч, длинные когтистые пальцы сжимали перила. Темные глаза вперились в мои, и я замерла. А потом заставила себя поднять руку и слегка махнуть ей, но старуха не перестала прожигать меня взглядом. Она лишь сильнее сжала пальцы на перилах: под словно бы эфемерной кожей вздулись синие вены. Будто только руки не давали ей улететь вместе с легчайшим порывом ветра.

Я поспешила в дом. Вырвавшийся из дверной скважины, порыв ветра, холодил пальцы. Я вставила ключ — тот подошел как влитой, — и новый порыв разметал мои белые волосы. Оказавшись внутри, я захлопнула за собой тяжелую дверь и прижалась к ней спиной, закрыв глаза и втянув ртом воздух. Пахло тут старостью и плесенью.

Добралась. Я наконец-то доехала до дедули, и казалось, будто я оказалась в Дюма Ки¹ — каком-то выдуманном месте, о котором ты читал лишь в книжках.

Внутри дома оказалось холоднее, чем снаружи. Коленки задрожали: одного слоя черных чулок и шорт не хватало для противостояния такой погоде. Но, даже несмотря на дрожь, я чувствовала себя как дома.

¹ Из одноименной книжки Стивена Кинга.

Я заперла дверь.

Лязг колокольчиков пронзил тишину, и я дернулась. Распахнула глаза и тут же увидела огромные напольные часы из вишневого дерева: они отбрасывали в фойе монструозную тень. В ушах зазвенело, я откинула голову назад и заправила спутанные волосы за ухо, слегка засмеявшись про себя.

Звон стих, и старый дом ожил.

Я сделала несколько неуверенных шагов вперед, и под ногами заскрипели старые доски, а потом скрип этот будто бы пронесся по стенам и с резким, тяжким вздохом пролез в приоткрытую дверь спальни сразу за прихожей. Я прошлась на цыпочках по доскам, чтобы заглянуть внутрь... а потом распахнула дверь.

Внутри с широко открытым ртом спал мужчина, о котором я знала лишь из писем — ими мы обменивались на протяжении последнего года. До того я и понятия не имела, что у меня вообще есть живой родственник. Когда я получила первый конверт с надписью «Плачущая Лощина», то подумывала его выбросить. Но любопытство — мой криптонит. Стоило пробежаться взглядом по первым словам... *лунный лучик*... и все изменилось.

Лившийся из окна лунный свет падал на старика и охватывал его спальню. Дедуля лежал на спине, чуть приподняв верхнюю половину туловища. Кожа его свисала с костей, словно растянутые резинки. Он был старым и покрытым морщинами и чуть ли не сиял в тусклой комнате, окруженный антикварной мебелью и темно-зелеными обоями. Стену перед кроватью украшали федоры и кепки газетчиков. В стеклянном стакане на столике рядом с кроватью плавали вставные зубы, рядом лежали очки в роговой оправе. Я оперлась на дверной косяк, чтобы хорошенько все рассмотреть.

Густые брови дедули были чуть темнее серых клочков волос, торчавших из его головы. Он громко всхрапнул —

словно прочищал горло. Затем закашлялся, а потом шумно задышал, приоткрыв рот. Я знала его не то чтобы хорошо, но с каждым вдохом — таким, словно он давался дедуле труднее, чем все остальное на этом свете, — челюсть моя сжималась все сильнее, и сердце сдавливалось все туже.

Он не признался в том, что болен, пока не стало совсем плохо. Последнее письмо привело меня сюда. Ему не нужно было говорить об этом, но это письмо показалось мне странным... словно крик о помощи.

Дедуля болел и не хотел уходить на тот свет в одиночестве.

Вот только он не знал, что я тоже была одиночкой.

— Я здесь, дедуль, — прошептала я в темноту. — Я наконец-то дома.